

УДК 343.01; 343.85

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-53-60

Ю. Е. Пудовочкин*

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Кризис уголовного наказания, за которым специалисты наблюдают уже около полувека, актуализировал поиск новой модели уголовно-правового реагирования на преступление. В отечественной нормотворческой и правоприменительной практике ответ на этот актуальный вызов связан с развитием наряду с уголовным наказанием параллельной системы мер уголовно-правового характера. Между тем теория в этой части все еще отстает от практических потребностей предупреждения преступлений. Одним из направлений ее перспективного развития может стать идея выделения в ряду мер уголовно-правового характера особых профилактических мер, которые, не будучи карой и воздаянием за вину, направлены на удовлетворение специфических потребностей лица, совершившего преступление, потерпевшего и общества. В числе таковых мер могут найти достойное место меры ресоциализации осужденных, которые на основании судебного решения могут применяться вне зависимости от возраста виновного, тяжести совершенного преступления наряду с наказанием и вместо него.

Ключевые слова: уголовное наказание, исправление осужденного, меры уголовно-правового характера, ресоциализация, социальная реабилитация, уголовно-правовые меры ресоциализации.

Введение. Один из значимых, если не самый значимый вопрос современной уголовно-правовой науки и уголовно-правовой политики, от решения которого во многом зависит содержательное наполнение и структурное оформление уголовного закона, – вопрос о понятии, содержании, видах и целях мер уголовно-правового характера. Ответ на него, с одной стороны, должен быть обусловлен пониманием целей современной уголовно-правовой политики и ее социальным предназначением, а с другой – детерминирует содержание и основные направления такой политики, определяет все основные вопросы правотворчества и правоприменения в области уголовно-правового противодействия преступности. Не случайно уголовное право традиционно именуется правом наказательным или правом о наказании.

Оценка текущего состояния уголовно-правовых исследований в части осмысления природы и целей мер уголовно-правового характера не только свидетельствует об отсутствии здесь сколько-нибудь значимого консенсуса, но и позволяет вполне уверенно утверждать, что эта область науки в целом разработана весьма слабо.

Нисколько не претендуя на оригинальность, отметим, что узловые проблемы теории мер уголовно-правового характера состоят в следующем: понятие и правовая природа; связь с преступлением; соотношение с уголовной ответственностью, наказанием и судимостью; цели, виды, их соотношение, включая вопросы замены и зачета; ос-

вобождение от применения. Это целостный комплекс взаимосвязанных вопросов, осмысление которых должно способствовать формированию, если допустимо так выразиться, частной уголовно-правовой теории – теории мер уголовно-правового характера.

В рамках настоящей публикации, разумеется, мы не можем рассчитывать на освещение этого комплекса. Наша задача гораздо скромнее: показать, если таковое имеется, место ресоциализации в предметном поле мер уголовно-правового характера.

Содержание и пределы ресоциализации. Для начала стоит определиться с базовым понятием ресоциализации. Как известно, оно имеет нормативную дефиницию. Согласно ст. 25 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», ресоциализация представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера.

Главное в этом определении схвачено совершенно верно: ресоциализация есть, во-первых, комплекс самых разных мер, а во-вторых, имеет цель реинтегрировать (то есть, сути, вернуть) че-

* © Пудовочкин Ю. Е., 2018

Пудовочкин Юрий Евгеньевич (11081975@list.ru), отдел уголовно-правовых исследований, Российский государственный университет правосудия, 117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69.

ловека в общество (допустимо, наверное, сказать, в «нормальное», «здоровое», «официальное» общество). Однако в приведенной дефиниции обращает на себя внимание объект реинтеграционного воздействия, каковым признаются лица, уже отбывшие наказание или иные меры уголовно-правового характера.

Формально из этого следует, что реинтеграция есть совокупность действий, которые совершаются вне рамок применения уголовно-правовых мер, после их отбытия. Получается, исходя из текстов нормативных документов, что процесс воздействия на лицо, совершившее преступление, включает в себя меры уголовно-правового характера и меры ресоциализации. Их можно вполне четко «разделить», исходя из таких признаков, как субъект применения, содержание, цели, последствия и т. д. Такой подход к пониманию ресоциализации представлен в трудах некоторых специалистов. В. П. Хомолов, например, прямо пишет, что начало процесса ресоциализации традиционно связывается с моментом освобождения лиц из мест лишения свободы [1, с. 120]. Но при этом подходе в рамках уголовно-правовой проблематики вовсе нет места такому предмету, как ресоциализация осужденного, и его последующее обсуждение должно быть прекращено.

К этому сподвигает и обсуждение еще одной проблемы – понимания, если допустимо так выразиться, исходной точки и пределов ресоциализации.

Дело в том, что ресоциализация, будучи процессом, обратным по своему содержанию десоциализации, может быть рассчитана на коррекцию двух типов личностных проблем, которые проявляют себя, с одной стороны, как причина (при всей условности этого термина в данном случае) преступления, а с другой – как следствие наказания. Десоциализация личности приводит ее к преступному образу поведения, но в то же время применение наказания само по себе также запускает процессы десоциализации, обусловленные изоляцией, разрывом социальных связей, стигматизацией и т. д. На что именно должна быть направлена в этих условиях деятельность по ресоциализации: на восстановление социально-психологического статуса личности, который существовал до применения к нему наказания (до отрицания десоциализирующего воздействия наказания)? Или же она должна продолжаться далее, до коррекции тех свойств и отношений, которые привели лицо к совершению преступления.

Если строго и формально следовать упомянутой выше нормативной дефиниции ресоциализации, надо признать: поскольку ресоциализация обращена к лицам, отбывшим наказание или иные меры уголовно-правового характера, ее содержание должно быть ограничено лишь коррекцией негативных социально-психологических следствий

применения таких мер. В этом случае, опять же строго формально, «зоны ответственности» мер уголовно-правового характера и ресоциализации четко разведены: первые корректируют свойства личности, которые способствовали совершению преступления, вторые – устраняют негативные последствия применения наказания. И опять же при таком подходе ресоциализации нет места в пределах уголовного права.

Но все эти рассуждения основаны на подчеркнуто формальном толковании текста упомянутого закона о профилактике правонарушений и не учитывают содержательной сути собственно процесса ресоциализации.

С содержательной точки зрения коррекция негативных последствий применения уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера может рассматриваться лишь как часть процесса ресоциализации личности, как адаптация личности к новым для нее постпенитенциарным условиям (при этом важно понимать, что коррекция негативных последствий наказаний должна быть направлена не только на процессы адаптации личности к новой среде, но и включать в себя ряд социальных мероприятий, призванных изменить саму социальную среду, сделать ее более удобной, дружелюбной для лиц, отбывших наказание).

Ресоциализация же – процесс более глубокий и всеохватный, не ограниченный лишь постпенитенциарным периодом, но включающий в себя и процессы, связанные с исполнением уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера. Можно в этом отношении согласиться с Н. А. Крайновой, которая пишет, что ресоциализация осужденных есть процесс восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, происходящий в результате применения к лицу, совершившему преступление и осужденному за него, комплекса правовых, социально-организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия на различных этапах уголовной ответственности с целью недопущения совершения новых противоправных деяний [2, с. 7].

Ресоциализация как цель и содержание. Ресоциализация в контексте проблематики мер уголовно-правового характера может быть представлена двояко: во-первых, как цель применения таких мер, а во-вторых, как их содержание.

Как известно, в действующем уголовном законодательстве само слово «ресоциализация» не встречается. Близкое же по смыслу слово «исправление» используется законодателем при характеристике целей уголовного наказания (ст. 43 УК РФ), обязанностей, которые могут быть возложены на условно осужденного (ч. 5 ст. 73 УК РФ), принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ), помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа

(ч. 2 ст. 92 УК РФ). Кроме того, путем толкования закона можно установить, что с исправлением лица, совершившего преступление, так или иначе связывается возможность применения многих иных институтов уголовного права.

Вполне закономерен в таком случае вопрос о соотношении понятий «исправление» и «ресоциализация»: не является ли второе новомодным синонимом первого? В литературе на этот счет высказаны разные позиции. Некоторые авторы ставят знак равенства между ресоциализацией и исправлением осужденного [3, с. 123]. Другая, причем численно большая часть специалистов, и юристов, и педагогов, полагают ресоциализацию более широким по содержанию, временным рамкам и результатам процессом, нежели исправление. Так, М. С. Рыбак пишет, что исправление осужденного выступает лишь в качестве одного из средств ресоциализации осужденного, которая предполагает «многоплановую и многоаспектную организаторскую и воспитательную деятельность... направленную на обеспечение реализации целей наказания, социализацию десоциализированной личности осужденного, восстановление утраченных им социальных контактов, подготовку его к жизни на свободе» [4, с. 18]. Ресоциализация осужденного, заключает автор, – это «целенаправленный процесс перерождения преступника в законопослушного человека (гражданина)» [4, с. 18]. Ему вторит В. Ю. Авраменко: «...ресоциализация представляет собой более широкое понятие, характеризующее всю совокупность изменений в человеке, происходящих под влиянием как объективных, так и субъективных факторов, в результате которых индивид становится социализированным членом общества. Этот процесс имеет длительные временные рамки, тогда как исправление – один из шагов в ресоциализации заключенного» [5, с. 84].

Вопрос о терминах – всегда условный вопрос, в его решении многое зависит от четкости изложения собственной позиции и умения договариваться с оппонентами. Нам представляется, что ресоциализация, по крайней мере в том виде, в каком она понимается большинством педагогов и пениitenciаристов, содержательно мало отличается от исправления, как оно трактуется в ст. 9 УИК РФ, и соотносится с известным в уголовно-правовой доктрине понятием так называемого «морального (нравственного) исправления» или исправления «в широком смысле слова».

Не будем углубляться в дискуссию относительно того, как соотносится объем цели исправления в уголовном и уголовно-исполнительном праве, не станем обсуждать вопрос и соотношении «морального» и «юридического» исправления как целях уголовного наказания. Этим аспектам теории наказания посвящен не один десяток научных сочинений. Однако дело не только в этом. Дело по

большой части в том, что все рассуждения об исправлении, как правило, ведутся в жесткой связке именно с уголовным наказанием, хотя оно (сегодня это уже не требует особых доказательств) не исчерпывает всего спектра уголовно-правовых мер. В настоящий момент, как представляется, нет препятствий к тому, чтобы считать исправление целью (одной из целей) не только собственно наказания, но и иных мер уголовно-правового характера. И в этом случае «старый» вопрос актуализируется в новом ракурсе: является целью таких мер исправление в широком или в узком смысле?

Полагаю, что здесь возможны как минимум два варианта ответа, непосредственно связанные с пониманием сущности мер уголовно-правового характера и определяющие последующие рассуждения о ресоциализации.

Во-первых, можно утверждать, что меры уголовно-правового характера являются только и исключительно альтернативой уголовному наказанию, применяются в рамках реализации уголовной ответственности и в силу этого не могут претендовать на то, чтобы решать глобальные вопросы морального переустройства личности виновного. В этом случае за ними остается цель лишь юридической коррекции личности, тогда как ресоциализация выводится за рамки уголовного права в область права социального обеспечения, социальной работы, пениitenciарной педагогики и психологии. Обращение к нормативным текстам показывает, что именно такой вариант в них, скорее всего, и зафиксирован: исправление – это задача уголовного наказания, ресоциализация – задача постпениitenciарной профилактики. Очевидны различия во времени, субъектах и содержании оказываемого на осужденного воздействия.

Но возможен и второй вариант. Допустимо считать, что «моральное» перевоплощение личности, то есть ее ресоциализация, выступает общей целью самых разных мер уголовно-правового характера, которые могут применяться и в качестве «возмездия за вину», и безотносительно виновности лица и особенностей совершенного им преступления и которые (меры) по-разному участвуют в решении этой задачи. Этот подход основан на том понимании, что меры уголовно-правового характера «поглощают» уголовную ответственность и наказание в качестве одного из возможных видов, что наряду с наказанием или вместо него могут на основании уголовного закона применяться меры, ориентированные на решение широких социально-профилактических задач. Очевидно, что здесь ресоциализация выступает не только целью уголовно-правовых мер, она предопределяет появление в системе мер уголовно-правового характера особого вида мер ресоциализации, то есть становится элементом содержания уголовно-правового воздействия.

Каждый из этих подходов, как представляется, имеет право на существование, а выбор между

ними – это выбор той или иной специфики понимания самого уголовного права, его задач и предназначения.

О социальной реабилитации. Для того чтобы завершить разговор о терминах, надо обратить внимание еще на одно понятие, которое активно используется в последние годы в нормативных документах уголовно-правовой и профилактической направленности, – это «реабилитация» или «социальная реабилитация».

Пожалуй, впервые в уголовно-правовом пространстве о социальной реабилитации было сказано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». В пункте 29 документа было отмечено, что к условно осужденным несовершеннолетним суд может не только применить обязанности, которые предусмотрены ч. 5 ст. 73 УК РФ, но и в соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», при наличии к тому оснований, обязать несовершеннолетнего осужденного пройти курс социально-педагогической реабилитации (психолого-педагогической коррекции) в учреждениях, оказывающих педагогическую и психологическую помощь гражданам, имеющим отклонения в развитии. (Справочно можно заметить, что эта установка была сформирована во многом под влиянием тех позитивных результатов и опыта, который к тому времени был уже накоплен судами, реализующими технологии восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних, в том числе судами Ростовской области и Ростовским областным судом).

Реабилитация – тесно связанный с ресоциализацией феномен, но все же относительно самостоятельный. В нем иначе расставлены акценты. Реабилитировать можно лишь лицо, которому причинен какой-либо вред. В традиционном понимании это либо жертва преступления, либо лицо, пострадавшее от неправомерных действий со стороны государства. В отношении таких лиц должно принимать меры, направленные на компенсацию имущественного вреда, восстановление нарушенных прав психологическую помощь и т. д. Именно в этом аспекте возмещения вреда пострадавшему толкует реабилитацию глава 18 УПК РФ и ст. 19 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», согласно которой реабилитация проводится в целях социальной адаптации реинтеграции лиц, которым в результате террористической деятельности был причинен вред.

Вместе с тем не только не исключена, но и получила нормативное признание идея необходимости реабилитации не только жертвы, но и самого правонарушителя. Она, как представляется, берет

свое начало с ювенологических теорий в криминологии и уголовном праве, которые обосновывали взгляд на несовершеннолетнего правонарушителя одновременно как на жертву общества и жертву своего собственного преступного поведения, что, собственно, и детерминировало необходимость его реабилитации. К настоящему времени реабилитация правонарушителей утвердилась как программа действий не только в отношении подростков, но и в отношении иных лиц, например больных наркоманией (ст. 721, 821 УК РФ, см. также ст. 26 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»).

Таким образом, реабилитация выступает еще одним направлением профилактической работы, в том числе с лицами, совершившими преступление, которое уже в текущий момент времени представлено в уголовном праве и которое, как и ресоциализация, может рассматриваться в двух аспектах в контексте учения о мерах уголовно-правового характера, а именно: в качестве цели и в качестве содержания таких мер.

О мерах уголовно-правового характера. Решение вопроса о месте и возможностях уголовного права в процессах ресоциализации и реабилитации требует определения принципиальной позиции относительно сущности таких мер. Это, разумеется, вопрос глубокого коллективного обсуждения, вопрос аргументов и компромиссов. В стремлении привнести некоторую лепту в его научное осмысление от себя добавим лишь несколько слов, не имея объективной возможности глубоко рассмотреть проблему в рамках данной публикации.

Представляется, что в определении сути мер уголовно-правового характера надо отталкиваться от понимания социального предназначения отрасли уголовного права в целом: является ли она сугубо карательной (преследующей за прошлое, ретроактивной) или же созидательной (обращенной в будущее, перспективной). Это старый спор, имеющий корреляцию с положениями соответственно классической и социологической школ уголовного права: уголовно-правовые меры применяются за что-то или для чего-то, они карают виновного или меняют его, символичны они или утилитарны.

Очевидно, что сегодня эти крайние позиции не могут рассматриваться как взаимоисключающие. Любая уголовно-правовая система в той или степени и конфигурации совмещает лучшие достижения самых разных школы и концепций. Все дело, думается, лишь в акцентах.

В нашем представлении, уголовное право – это по преимуществу отрасль карательная. Ее основное предназначение – путем угрозы применения или реальным применением уголовного наказания поддерживать устоявшиеся в обществе отношения и ценности, принуждать и преступника, и всех остальных лиц к соблюдению тех социаль-

ных норм, в отношении которых имеется широкий консенсус и которые в силу этого поставлены под охрану закона. Наказание в такой системе обладает по большей части символическим значением; служит, согласно гегелевской цепочке, отрицанием преступления как отрицания общественного порядка и согласия. Восстанавливая нарушенное преступлением статус-кво, наказание, таким образом, обладает реконструктивным свойством. Оно восстанавливает (реконструирует) тот порядок вещей, который существовал до преступления и который признается в этом обществе справедливым. В этом отношении зафиксированная в ст. 43 УК РФ в качестве цели уголовного наказания цель восстановления социальной справедливости может быть не только оправданна (несмотря на наличие в науке широкой дискуссии относительно самой возможности постановки перед наказанием такой цели), но и признана едва ли не важнейшей целью этого правового института. Если преступление причиняет вред обществу, то наказание «погашает» преступление и устраняет причиненный им вред, обеспечивая торжество справедливости [6].

Этот максимально высокий социальный (даже социально-философский) уровень интерпретации наказания игнорирует то, что, разумеется, игнорировать нельзя: преступление причиняет, а наказание применяется к конкретным лицам. И на этом индивидуальном уровне одного лишь символизма наказания для обеспечения справедливости недостаточно, нужны более конкретные и предметные меры. Именно здесь и возникает пространство для разработки «иных» мер уголовно-правового характера.

Отметим, что общая неразвитость теории мер уголовно-правового характера проявляется, среди прочего, в терминологической недостаточности. Один и тот же термин «меры уголовно-правового характера» у нас применяется зачастую для описания и мер, которые реализуются в рамках ответственности наряду с наказанием, и мер, альтернативных наказанию, и мер, которые применяются за рамками уголовной ответственности. Это, конечно же, не способствует порядку.

Не претендуя на оригинальность, можно предложить следующее понимание системы мер реагирования на преступление: а) меры неправовые (этические санкции, религиозные меры воздействия, корпоративная ответственность и пр.) и правовые; б) внутри правовых – меры неуголовно-правовые (применяемые в области реализации норм семейного, трудового, служебного и т. д. законодательства) и уголовно-правовые; в) из числа предусмотренных уголовным законодательством – меры уголовно-правового характера (то есть те по сути своей карательные меры, которые применяются за преступление в рамках реализации уголовной ответственности и выражают государственную оценку преступления, личности преступника,

его вины) и меры профилактического характера, которые не связаны с наличием или степенью вины лица, причинившего уголовно-релевантный вред. Порядок применения мер профилактического характера при этом может быть различным: либо вне рамок уголовной ответственности (при освобождении от ответственности или в ситуации непривлечения к ней), либо в рамках реализации уголовной ответственности (вместо наказания или вместе с наказанием). В любом случае полагаем недопустимым рассматривать такие меры как часть ответственности. Они не выражают кары и отрицательной оценки как совершенного деяния, так и личности деятеля, применяются «не за», а «с целью». Такие меры являются социальными по своему содержанию, но правовыми по форме и порядку применения. Они подкреплены силой государственного авторитета и принуждения, не будучи принудительными по своему содержанию. Следовательно, надо признать, что неисполнение профилактических мер, равно как и уклонение от них, должно влечь за собой негативные последствия для нарушителя. Единственная оговорка, которую, как представляется, надо сделать, состоит в том, что эти негативные последствия не должны отменять самих профилактических мероприятий. Они должны быть позиционированы как последствия неисполнения судебного решения, на основании которого профилактические меры назначены. В той связи стоит, вероятно, пересмотреть правила, предусмотренные ст. 82¹ УК РФ и ст. 6.9.1 КоАП РФ.

В разряд мер профилактического характера со всей очевидностью надо отнести те, что связаны ресоциализацией и реабилитацией, и, что важно, не только эти меры (к профилактическим уголовно-правовым мерам стоит причислить конфискацию преступно нажитого имущества, конфискацию орудий и средств совершения преступления, административный надзор, запрет на реализацию некоторых прав, возмещение вреда и т. д.). Именно эти профилактические меры (весь их комплекс) призваны решать не столько символические, сколько утилитарные задачи.

Уголовное право, будучи отраслью карательной, не может игнорировать потребности лица, совершившего преступление, и потерпевшего от преступления, во-первых, поскольку этого требует принцип гуманизма, а во-вторых, потому что потребности каждого отдельного члена общества есть определенный срез потребностей общества как целого. Вместе с тем и удовлетворять эти потребности посредством уголовного наказания государство не в состоянии в силу того, что само наказание для этого не приспособлено. Меры профилактики для этого подходят гораздо лучше.

Потребность в ресоциализации лица, совершившего преступление, есть не только личная потребность человека, но и острая потребность общества

в целом. Поэтому ее удовлетворение должно стать делом государственной важности, частью уголовной политики. А для этого система профилактических мер уголовно-правового характера должна содержать особую подсистему мер ресоциализационного (исправительного) характера.

Ресоциализационные (исправительные) меры.

Еще в Резолюции VIII конгресса Международной ассоциации уголовного права, состоявшегося в 1974 году, отмечалось: «Традиционная система репрессий и воздаяния все более и более подвергается критике и постепенно уступает место системе, в которой на первый план среди социальных целей уголовного права выступают ресоциализация и перевоспитание. Необходимо развить и рационализировать эту новую уголовную политику, точно определить ее методы и средства. ... Исследование и определение адекватных средств реакции на преступность должны основываться на том положении, что преступность, будучи сложным социальным явлением, не может быть объектом единого решения, напротив, нужно применять дифференцированные меры в зависимости от характера преступления и личности преступника, различные санкции или иные меры, позволяющие сделать выбор, или, если это необходимо, методы и средства неуголовного характера, которые еще надо определить» [7, с. 36].

У идеи создания самостоятельной подсистемы мер исправительного характера достаточно много сторонников. Так, Ф. Р. Сундуков пишет: «В основе совершенствования законодательной регламентации наказания должен быть концептуальный подход, направленный на повышение его ресоциализационного и предупредительного ресурса путем включения в систему наказаний и иных средств уголовно-правового характера мер, направленных на психолого-нравственное воздействие на осужденных, дополнение исполнения отдельных видов наказаний целенаправленным исправительным воздействием на осужденных, использование институтов гражданского общества в работе с осужденными и осуществлении контроля за их поведением» [8, с. 81]. Поддерживая его, В. Н. Бурлаков предлагает целую программу совершенствования системы мер исправления преступников: «Необходимо наряду с мерами наказания за преступление предусмотреть меры исправления личности преступника. Последняя группа мер не должна рассматриваться как дополнительная, т. е. факультативная. Более того, за некоторые преступления можно было бы предусмотреть в санкции статьи только меры исправления. В остальном такие меры применялись бы наряду с мерами наказания, за исключением случаев мотивированного решения суда о нецелесообразности их назначения, в случае когда обвиняемый относится к типу легкоисправимой личности» [9, с. 570].

Представляется, что это верное направление развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории. При этом самостоятельное функционирование системы исправительных мер в рамках закона должно основываться, на наш взгляд, на следующих исходных тезисах (они же признаки исправительных мер уголовно-правового характера):

а) отсутствие в этих мерах элементов кары, то есть преднамеренного причинения боли и страданий;

б) их принципиально иное, нежели у наказания, целевое назначение;

в) публичный характер мер исправления, их обязательность, обеспеченность силой закона;

г) связь исправительных мер с потребностями личности виновного (лица, совершившего общественно опасное деяние);

д) признание исправительных мер материально-правовым основанием для проведения с осужденным воспитательной и реабилитационной работы;

е) возможность назначения этих мер как самостоятельно, так и в совокупности с мерами уголовного наказания;

ж) возможность исполнения этих мер как после отбытия наказания, так и во время его отбывания;

з) всеобщий характер таких мер, возможность их применения в случае совершения преступлений любой категории тяжести, причем не только несовершеннолетними, но и взрослыми.

Разрабатывая систему мер ресоциализации, надо учитывать важное обстоятельство: мы говорим именно об уголовно-правовых мерах ресоциализации, а не о мерах собственно ресоциализации. Это не просто разные оттенки понятия, а различные понятия. Уголовное право по природе своей не может заниматься ресоциализацией; это область социальной и коррекционной педагогики, психологии, ювенологии, наркологии и т. д. Но оно может заставить лицо пройти эти меры, испытать на себе профессиональное корректирующее и социализирующее воздействие.

Как представляется, меры, о которых идет речь, могут быть представлены:

– обязательствами по прохождению курсов (лечения от наркомании и иной зависимости от психоактивных веществ; «управления гневом» или иных аналогичных курсов управления эмоциями; коррекции и помощи лицам, страдающим нарушениями сексуального поведения);

– помещением в специальное психокоррекционное образовательное учреждение;

– направлением на профессиональную переподготовку с последующим трудоустройством;

– возложением обязанности пройти серию примирительных процедур с потерпевшим от преступления.

Вероятно, можно сконструировать и некоторые иные меры, реализация которых будет способство-

вать реинтеграции человека в общество. Принципиально важно одно: эти меры должны стать именно уголовно-правовыми, то есть стать императивными, протекать под контролем суда, в лицензированных соответствующим образом учреждениях, а руководство этих учреждений, как и сам осужденный, должны нести ответственность за неисполнение судебного решения о проведении социально-реабилитационных процедур. Важно при этом также заметить, что система уголовно-правовых профилактических мер не исключает, но, напротив, предполагает осуществление аналогичных мероприятий со стороны официальных институтов профилактики и институтов гражданского общества.

Заключение. Кризис уголовного наказания, о котором специалисты активно говорят, начиная с 70-х годов прошлого столетия [10, с. 425] в настоящее время не преодолен, но, как представляется, вступил в свою финальную стадию. Сегодня стали очевидными два непреложных факта: во-первых, символизма наказания недостаточно для его легитимации; во-вторых, цель исправления осужденного средствами уголовного наказания крайне мало достижима. Это сподвигает к поиску мер правового воздействия, которые, не исключая наказания как такового, могут служить его дополнением или альтернативой. Такие меры профилактического воздействия, будучи ориентированными в будущее, должны способствовать максимальной нейтрализации или устранению конфликта, который возникает в связи с совершением преступления между виновным и потерпевшим, между виновным и обществом. В содержательном отношении такие меры, будучи лишенными элементов кары, должны способствовать решению утилитарных задач приспособления человека к жизни в обществе, заглаживания вреда, излечения или улучшения психофизического состояния и т. д. Отказывать уголовному праву в возможности решать такие задачи – значит оставаться на позициях прошлого, возлагать на уголовное право всю полноту ответственности за их решение – значит быть в плену иллюзий. Социализация и ресоциализация личности – процесс, в котором участвуют едва ли не все социальные институты, выполняя каждый свою роль. У уголовного права своя роль: создать основания и условия для принудительной ресоциализации и координации усилий государственных и общественных структур в этом направлении. При надлежащем теоретическом обосновании социальное наполнение уголовно-правовых мер может стать основой для его качественного перерождения в интересах обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Библиографический список

1. Хомколов В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью. Системный подход. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1999. 191 с.

2. Крайнова Н. А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 23 с.

3. Стурова М. П. Педагогика социальной реабилитации осужденных: поиски и находки // Наказание: законность, справедливость, гуманизм: материалы науч.-практ. конф. Рязань: РВШ МВД РФ, 1994. С. 123–127.

4. Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. 58 с.

5. Авраменко В. Ю. Ресоциализация заключенного как социально-педагогическая цель работы с ним в исправительном учреждении // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 1 (45). С. 82–85.

6. Пудовочкин Ю. Е. Наказуемость деяния как признак преступления // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 5. С. 166–172.

7. Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М.: Юрид. лит., 1983. 208 с.

8. Сундуrow Ф. Р. Уголовное наказание и его социальное предназначение в демократическом обществе // Российское уголовное право. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. С. 77–81.

9. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В. Н. Бурлаков, Б. В. Волженкин. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 592 с.

10. Гилинский Я. И. Девиантология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.

References

1. Khomkolov V. P. Organizatsiia upravleniia operativno-rozysknoi deiatelnosti. Sistemnyi podkhod [Organization of management of operative-search activity. System approach]. M.: Zakon i pravo, IUNITI, 1999, 191 p. [in Russian].

2. Krainova N. A. Problemy resotsializatsii neodnokratno sudimyykh lits: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [Problems of resocialization of repeatedly convicted persons: author's abstract of Candidate's of Juridical Sciences thesis]. Vladivostok, 2002, 23 p. [in Russian].

3. Sturova M. P. Pedagogika sotsialnoi reabilitatsii osuzhdennykh: poiski i nakhodka [Pedagogy of social rehabilitation of convicts: searches and findings]. In: Nakazanie: zakonnost, spravedlivost, gumanizm: materialy nauch.-prakt. konf. [Punishment: legality, justice, humanism: materials of research and practical conference]. Ryazan: RVSH MVD RF, 1994, pp. 123–127 [in Russian].

4. Rybak M. S. Resotsializatsiia osuzhdennykh k lisheniuiu svobody: problemy teorii i praktiki: avtoref.

dis. ... d-ra iurid. nauk [Resocialization of prisoners to the deprivation of liberty: problems of theory and practice: author's abstract of Doctor of Laws thesis]. Saratov, 2001, 58 p. [in Russian].

5. Avramenko V. Yu. Resotsializatsiia zakliuchennogo kak sotsialno-pedagogicheskaia tsel'raboty s nim v ispravitel'om uchrezhdenii [Resocialization of a prisoner as a social and pedagogical goal of working with him in a correctional facility]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2010, no. 1(45), pp. 82–85 [in Russian].

6. Pudovochkin Yu. E. Nakazuemost' deianii kak priznak prestupleniia [The punishability of the act as a sign of crime]. *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii* [Library of Criminal Law and Criminology], 2016, no. 5, pp. 166–172 [in Russian].

7. Galperin I. M. Nakazanie: sotsial'nye funktsii, praktika primeneniia [Punishment: social functions, practice of application]. M.: Iurid. lit., 1983, 208 p. [in Russian].

8. Sundruv F. R. Ugolovnoe nakazanie i ego sotsialnoe prednaznachenie v demokraticheskom obshchestve [Criminal punishment and its social purpose in a democratic society]. In: *Rossiiskoe ugovnoe pravo* [Russian criminal law]. SPb.: Izdatelskii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, pp. 77–81 [in Russian].

9. Sovremennye problemy i strategii borby s prestupnostiu. Nauchn. red. V. N. Burlakov, B. V. Volzhenkin [Modern problems and strategies to combat crime. V. N. Burlakov, B. V. Volzhenkin (Ed.)]. SPb.: Izdatelskii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, 592 p. [in Russian].

10. Gilinsky Ya. I. Deviantologiya [Deviance study]. SPb.: Iuridicheskii tsentr Press, 2004, 520 p. [in Russian].

Yu. E. Pudovochkin*

RESOCIALIZATION IN THE CONTEXT OF NORMATIVE REGULATION MEASURES OF A CRIMINAL-LEGAL NATURE

The crisis of criminal punishment, for which experts have been monitoring for about half a century, has actualized the search for a new model of a criminal-legal response to a crime. In the domestic law-making and law-enforcement practice, the answer to this urgent challenge is associated with the development, along with criminal punishment, of a parallel system of criminal law measures. Meanwhile, the theory in this part is still lagging behind the practical needs of crime prevention. One of the directions of its long-term development may be the idea of isolating in the series of criminal-legal measures of specific preventive measures that, while not being punished and retribution for fault, are aimed at meeting the specific needs of the person who committed the crime, the victim and society. Among such measures, measures of resocialization of convicts that can be applied, regardless of the age of the perpetrator, the gravity of the crime committed, along with and instead of punishment, can find a worthy place.

Key words: criminal punishment, correction of the convicted person, criminal law measures, resocialization, social rehabilitation, criminal-legal measures of resocialization.

---

* *Pudovochkin Yury Evgenievich* (11081975@list.ru), Department of Criminal and Legal Studies, Russian State University of Justice, 117418, Russian Federation, Moscow, Novocheremushkinskaya Street, 69.